

Омельченко Д. М.

ЦЕЗАРИЙ АРЕЛАТСКИЙ — ЕПИСКОП И ПАСТЫРЬ

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Петроглиф,
2021. (Mediævalia: средневековые литературные памятники
и источники). 472 с. ISBN 978-5-98712-274-7

УДК 82-95 (929) (27-9|01/07|)
DOI: 10.31802/BCA.2023.19.3.010

Минувший год подарил исторической науке сразу три отечественные монографии, посвящённые вопросам культуры, религии и Церкви в эпоху Поздней Античности. Некоторые изыскания я уже имел возможность разобрать несколько ранее¹. Автор рассматриваемой ныне книги Дарья Михайловна Омельченко — молодой, но уже состоявшийся специалист по христианской культуре и Церкви V–VI вв. на латинском Западе, ныне работающая в Санкт-Петербургском институте истории РАН. Её кандидатская диссертация, продолжением которой, в сущности, и является разбираемая мной монография, увидела свет ещё в 2011 г.² Таким образом, читатель вправе ожидать зрелой работы за авторством опытного исследователя.

Не пытаюсь нарушить жанрового канона, хочу предварительно сделать важное для настоящего разговора замечание. В процессе изучения книги я столкнулся с противоречивым чувством: с одной стороны, я наконец-то увидел относительно целостное и методологически обоснованное представление личности Цезария на фоне эпохи; с другой же, череда частных моментов, которые только на первый взгляд не портят

- 1 Манукян Э. М. Размышления о возможных подходах к изучению статуса епископа в Поздней Античности (В связи с выходом книги М. Ю. Биркина о епископе в Вестготской Испании) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2021. № 12. С. 144–159; Он же. Рецензия на: *Мирошниченко Е. И. Синесий Киренский: личность и этикет в позднеантичной эпистолографии*. СПб.: Нестор-История, 2021. 312 С. // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2022. № 13. С. 142–163.
- 2 Омельченко Д. М. Пастырская деятельность Цезария Арелатского в политике Церкви и повседневной жизни Прованса (первая треть VI в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Ставрополь, 2011.

общих оснований исследования, не давали мне покоя и в итоге подстегнули к постановке вопроса о методологии исследования личностей прошлого и об их представлении в научных сочинениях. Таким образом, изначальный замысел написать небольшую рецензию перерос в пространную статью-размышление. Так, стараясь не упускать генеральной канвы монографии, я хочу обратить внимание на соотношении кажущегося «частного» («второстепенного») и «общего» («главного») в монографиях подобного рода.

* * *

Цезарий Арелатский (ок. 470 — 542) — без преувеличений одна из самых значительных фигур для Галлии и всего христианского мира 1-й пол. VI в. Он родился во времена, когда Церковь в обстоятельствах разлагающегося государственного аппарата должна была взять инициативу в свои руки. Епископы становились лидерами не только церковными, но и общественными, и будто сам дух эпохи уготовил Цезарию подобный жребий. Впрочем, он и сам его не сторонился. Отпрыск аристократической, но, вероятно, довольно скромной галло-римской семьи из провинциального города Кабиллон, Цезарий ещё в юношестве, подобно многим своим сверстникам, подвизается на *cursus sanctorum* и в качестве отправного пункта выбирает прославленный Леринский монастырь — островную обитель и «кузницу» епископов. Не пройдёт и десяти лет, как волею судьбы Арль станет его новым пристанищем: Цезарий по не совсем выясненным обстоятельствам покинет обитель и окажется в портовом городе на юге-востоке материковой Галлии³. Даже по меркам VI в. город Арль можно назвать крупным. Кроме всего прочего, он некогда был столицей *praefectura praetorio Galliarum*, что придавало ему дополнительный авторитет. Так, начиная именно с этих времён, город получает статус митрополичьего, продолжая в дальнейшем жёстко конкурировать с соседями за это звание. Здесь, вкусив первые плоды внутрицерковной борьбы, Цезарий, не без помощи влиятельных родственников, стремительно проходит все необходимые ступени церковной иерархии и, наконец, рукополагается в сан епископа (ок. 502), в котором прослужит многие годы вплоть до своего преставления (542).

3 Арль удобно располагался в дельте реки Роны, относительно недалеко от морского побережья.

Принимая кафедру Арля, Цезарий брал на себя ещё ношу, связанную с богатым и непростым церковно-политическим наследием города, который не утратил былых амбиций и продолжал бороться за гегемонию в регионе. На политическом поприще Цезарий достигает вполне ощутимых успехов. Папа назначает его своим викарием в Галлии и закрепляет митрополичий статус Арля, а во взаимоотношениях с варварскими королями Цезарий зарабатывает авторитет за счёт беспрецедентной благотворительности и личной аскезы. Принято считать, что на Цезария-епископа огромный отпечаток наложила монашеская традиция, с которой он имел возможность познакомиться в Лерине. Это можно заметить и в остальных проявлениях его епископской деятельности: говорим ли мы о его способе решения полупелагианских споров или о попытках организации клира Арелатской Церкви по монашескому принципу — мы везде видим епископа, который распознавал идеал христианской жизни не только в общежительном монашестве, но и в монашеской этике. Последнее мы отчётливо обнаруживаем в соборной деятельности Цезария, который пытался распространить своё видение Церкви и на сопредельные области Галлии. Практическую деятельность он всегда подкреплял деятельностью писательской. Учредив, например, женский монастырь в Арле, Цезарий позаботился о написании «Правил для дев». Вероятно, это первый из дошедших до нас уставов, регулирующих монашескую жизнь женщин. Он также не был равнодушен к проблемам нравственности и языческой суеверности у своей паствы. Свыше двухсот написанных им «*Sermones*» — лучшая иллюстрация активной проповеднической работы.

Епископ и монах, политик и благотворитель, богослов и проповедник — фигура Цезария Арелатского представляет собой яркое воплощение того, что принято называть в современной исторической науке феноменом «христианского лидерства» в Поздней Античности. Но за покровами подобного, словно клишированного, признания и перечисления его заслуг скрывается пространный и каменистый путь сомнений и преодолений, роста и становления живой личности давно ушедшей эпохи.

Основной источник наших сведений о жизненном пути Цезария — это «*Vita Caesarii*», местами подробное и довольно яркое житие, написанное людьми, знавшими святого лично. Решение пресловутого вопроса о том, «где и как отыскать живого человека в налёте агиографических образов» (читайте: индивидуальное в типичном) становится одной из центральных, почти археологических, задач в работе Д. М. Омельченко (с. 22). На данном уровне автор привлекает метод «библейских

тематических ключей» Рикардо Пиккио. И это принципиальный момент в исследовании, поскольку, только пробившись к пласту живого Цезария, автор может подойти к работе над своим более фундаментальным замыслом, который она формулирует в рамках концепции «новой биографической истории» Л. П. Репиной: «Реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются одновременно: и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того социума, в котором они жили и творили, радовались, страдали, мыслили и действовали» (с. 21). Говоря иначе, концепция подразумевает познание социума через личность и личности через социум. Однако, продолжает Д. М. Омельченко, данный ракурс невозможен без сетевого анализа межличностных отношений: «...необходимо, с одной стороны, попытаться определить место носителя церковной власти в социальном пространстве — через систему взаимосвязей с другими объектами этого пространства, через позиции в различных социальных “полях”. С другой стороны, нужно попробовать определить место епископа в субъективных структурах — с точки зрения символической репрезентации его позиций в обществе и с точки зрения коллективных представлений о носителях церковной власти» (с. 21).

Не углубляясь в историографию (с ней можно ознакомиться в небольшом отрывке обозреваемой монографии на страницах 16–18), позволю себе ограничиться словами автора: «Данное изыскание — первая в отечественной историографии попытка привлечь связанные с Цезарием источники не только для анализа социокультурной истории позднеантичного Прованса, но и для изучения жизненного пути этой незаурядной личности» (с. 22). Действительно, в то время как зарубежные историографии имеют свои комплексные монографии о Цезарии, а несколько его сочинений получают переводы и выходят в критических изданиях⁴, внимание к нему в отечественной историографии, как правило,

4 Назовём лишь общие работы, касающиеся биографии и деятельности Цезария: *Arnold C. F. Caesarius von Arelate und die gallische Kirche seiner Zeit.* Leipzig, 1894; *Klingshirn W. E. Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late antique Gaul.* Cambridge, 1994; *Vogüé A. de. Introduction // Césaire d'Arles. Œuvres monastiques: en 2 t. / introd., texte crit., trad., notes et index par J. Courreau et A. de Vogüé.* T. 2: Œuvres pour les moines. Paris, 1994. (SC; 398). P. 17–202; *Delage M.-J. Introduction // Césaire d'Arles. Sermons au peuple: en 3 t. / introd., trad. et notes par M.-J. Delage.* T. 1. Paris, 1971. (SC; 175). P. 13–208; *Eadem. Introduction // Vie de Césaire d'Arles / texte crit. de Dom G. Morin; introd., rév. du texte crit., trad., notes et index par M.-J. Delage avec la collab. de M. Heijmans.* Paris, 2010. (SC; 536). P. 27–101.

утилитарно и сфокусировано во многом на изучении связанных с эпохой частных, нежели частных самих по себе⁵.

Таким образом, Д. М. Омельченко пытается примирить в своём подходе две крайности при изучении жития Цезария, что видится весьма перспективным. Посмотрим, что из этого получилось.

Итак, автор разделила монографию на пять глав, из которых первые две, посвящённые обзору эпохи и биографии Цезария до епископства, можно определить как вводные, а три следующие — как основные, раскрывающие деятельность героя повествования на различных социальных полях: в политике, в клире и, соответственно, в мире. В конце книга снабжена солидной библиографической подборкой исследований о Цезарии, а также тремя приложениями: списком соответствия древних и современных топонимов и гидронимов, картой Галлии V–VI вв. и, наконец, картой Арля в 1-й пол. VI в. Это безусловное достоинство книги, поскольку наглядный материал способствует погружению читателя в изучаемую эпоху. Об этом ещё предстоит сказать подробнее, а пока отмечу и существенный минус технической стороны книги, вину за который стоит возложить больше на издательство, нежели на автора. Речь идёт о решении поместить примечания в конец каждой главы. Отказ от подстрочных примечаний, на мой взгляд, является довольно пагубной и, как ни странно, стремительно набирающей популярность тенденцией в современном книгоиздательстве, которая существенно усложняет работу с историческим материалом.

Если говорить про общие достоинства книги, то предварительно замечу, что она написана хорошим, живым для научной работы языком, в некоторых местах даже литературным. И, что в последнее время стало совсем уж редкостью, рецензируемая книга, за малыми исключениями (с. 20–21), лишена тяжеловесного пафоса в виде массы наукообразных терминов, будто предназначенных для единственной цели — уверения несчастного читателя в том, что автор действительно учёный.

Отдельно стоит сказать и про спектр задействованных источников. Д. М. Омельченко провела значительную работу по изучению

5 *Дубровский И. В.* Церковная десятина в проповеди Цезария Арльского: язык эксплуатации деревни // *Одиссей. Человек в истории.* 1997. М., 1998. С. 31–46; *Филиппов И. С.* Библейские цитаты и аллюзии в проповедях Цезария Арелатского // *Средние века.* 2014. Вып. 75 (3–4). С. 141–156; *Он же.* Паства и общество: кому проповедовал Цезарий Арелатский // *Universitas historiae: сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова.* М., 2016. С. 185–194; *Idem.* Legal Frameworks in the Sermons of Caesarius of Arles // *Medieval Sermon Studies.* 2014. Vol. 58. P. 65–83.

произведений Цезария и активно использует в книге цитаты в собственном переводе. На мой взгляд, это важный не только с научной, но и со стилистической точки зрения момент, поскольку в последнее время выдержки из источников всё чаще выносятся в концевые примечания, превращая и без того сухую научную работу в утомительное чтение. Что же до источников иного происхождения, то здесь остаются вопросы, которые следует задать ниже. Перейдём непосредственно к разбору глав рецензируемой книги.

Глава I «Христианская традиция Южной Галлии в Поздней Античности» выполняет у автора роль обзорной. Впрочем, непосредственно обзор эпохи, надо заметить, в ней довольно выборочный. Уделяется внимание лишь определённым аспектам церковно-политической, социальной и культурно-религиозной обстановки в регионе на момент рождения и становления Цезария, а именно: проблеме церковного статуса Арля в V в., монашеской и аскетической традиции в Галлии, а также так называемым полупелагианским спорам. К примеру, практически ничего не сказано о политической ситуации и расстановке сил на карте Галлии того времени. С другой стороны, в таком подходе есть своя логика. Можно сказать, что Д. М. Омельченко, как хороший рассказчик, «развешивает ружья» в начале произведения, ибо легко заметить, что перечисленные выше аспекты в будущем выступят ключевыми факторами формирования личности героя книги и, одновременно, сферами его самореализации. Таким образом, отметив её эргономичность, я бы назвал эту главу не столько обзорной, сколько экспозиционной.

Во вступлении Д. М. Омельченко справедливо замечает, что применительно к этой эпохе корректнее говорить о множестве галльских Церквей, нежели о единой Галльской Церкви. Данное обстоятельство, вкупе с несоответствием границ церковно-административных границам гражданско-административным, приводило к трудностям, связанным с распределением сфер влияния, и, как результат, к борьбе кафедр за власть над спорными территориями. С падением же римской власти эти сложности могли только усилиться. Однако в попытках внести некоторую ясность автор, вероятно сама того не замечая, только усугубляет восприятие этого аспекта, в особенности для неискущённого читателя. Дело в том, что Д. М. Омельченко порой употребляет в одном и том же значении (насколько я смог понять) такие понятия как «диоцез», «епархия» и «церковная провинция». Местами не совсем очевидно, что в авторском понимании это всё же синонимы, а не бóльшие или меньшие территориальные единицы. Д. М. Омельченко вместо

того, чтобы дать хоть какие-то внятные пояснения, что в Церкви Поздней Античности диоцез — это церковный округ во главе с епископом для Западной Римской империи (соответствует современному пониманию епархии)⁶, когда как епархия — это более крупная церковно-административная единица для Восточной Римской империи (соответствует митрополии на Западе)⁷, использует «диоцез» как технический термин, а термину «епархия» как современному синониму вообще не даёт никаких объяснений даже в примечаниях. Но если в этом случае отождествление терминов могло быть правомочно с соответствующими авторскими оговорками, то ровно противоположная ситуация складывается с рядом других парных терминов: «архиепископ» — «митрополит», «архиепископство» — «митрополия» (с. 33–34). Очевидно, что для автора это одно и то же, в то время как, строго говоря, это разные понятия. В Церкви IV–VI вв. сан архиепископа впервые появляется в значении титула предстоятеля более крупного образования, чем церковная область, возглавляемая митрополитом (например, префектуры со своими столицами, помимо выделенных в особую категорию Рима и Константинополя), многие из которых в будущем преобразуются в патриархии (например, Александрийская, Антиохийская)⁸. Прямую же корреляцию между митрополитом и архиепископом можно проводить только с некоторыми оговорками в современной Католической Церкви⁹. Мне удалось найти лишь один случай, когда Папа обращается в письме к арелатским и вьеннским епископам соответствующего периода как *archiepiscopus*: Лев Великий — к предстоятелю Вьенны и, вероятно, в знак особого уважения¹⁰.

Тем не менее это важная авторская преамбула перед тем, как развернуть перед читателем историю противостояния Арелатской кафедры с Вьенной и другими соседями. Особое внимание в этом конфликте обращается на роль набирающего силу папства. Перипетии этого дела выступают определяющими для последующего понимания

6 Бондач А. Г. Диоцез // ПЭ. 2007. Т. 15. С. 379–380.

7 Там же.

8 Цыпин В., прот. Архидея // ПЭ. 2001. Т. 3. С. 530–531.

9 Там же.

10 *Leo Magnus*. *Dilectis fratribus per Gallias et Viennensem provinciam episcopis constitutis* // *Monumenta Germaniae Historica. Epistolae*: in 8 t. Т. 3/1: *Epistolae Merovingici et Karolini aevi*. Berolini, 1892. P. 91: «*Sitque redintegratum Viennensi archiepiscopo privelegium et ius antiquum, quod apostolica benignitas ad Arelatensem ex parte transtulit civitatem, ut tali severitate Hilarius coercitus discat non temere transgredi terminos antiquos canonica prolatione fundatos*».

политической деятельности Цезария. Д. М. Омельченко разбирает исторические обстоятельства сложившегося конфликта между престолами и приводит традиционные причины взлёта Арля. Повышение церковного статуса этого города было связано как с ростом его политического значения, так и с вмешательством в конфликты епископа Римского. Впрочем, в 1-й пол. V в. влияние престола святого Петра на исход церковных конфликтов в Галлии было весьма ограниченным, однако, как отмечает автор, «всё более частая апелляция к Папскому престолу во 2-й пол. V в. намечает принципы и ориентиры политической игры, в которую в своё время вступит Цезарий» (с. 43). Вообще, тема взаимоотношений галльских Церквей с Римом не нова для историографии. При этом здесь нельзя не учитывать довольно объяснимую политическую ангажированность вопроса, влияющую на интерпретацию церковно-политических событий, происходивших в юго-восточной Галлии в V–VI вв. И это одна из причин, по которой, на мой взгляд, данный раздел и связанные с ним последующие пассажи обнаруживают недостаточную историографическую оснащённость. Из специальных работ автор, в основном ожидаемо, использует классический труд Н. В. Малицкого 1903 г.¹¹, из относительно современных авторов — исследования нач. 80-х гг. минувшего века Э. Бабю¹², М. Журжона¹³ и отчасти А. Феррейро¹⁴. Полагаю, представление более современных данных по этому вопросу, например, недавних исследований М. В. Грацианского¹⁵, К. В. Норкина¹⁶ и Р. В. Марина¹⁷, как минимум, не сделало бы монографию Д. М. Омельченко хуже.

- 11 Малицкий Н. В. Борьба галльской церкви против пап за независимость: Опыт церковно-исторического исследования из эпохи IV–VI вв. М., 1903.
- 12 Babut E.-Ch. Le Concile de Turin: Essai sur l'histoire des Églises provençales au Ve siècle et sur les origines de la monarchie ecclésiastique romaine (417–450). Paris, 1904. P. 17–23.
- 13 Jourjon M. À propos du conflit entre le Pape Léon et Hilaire, évêque d'Arles // La Patrie gauloise d'Agrippa au VIème siècle: Actes du Colloque (Lyon 1981). Lyon, 1983. P. 267–271.
- 14 Ferreiro A. Petrine Primacy and Episcopal Authority in Caesarius of Arles // Studia Patristica. 2006. Vol. 43. P. 367–372.
- 15 Грацианский М. В. Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // Вестник ПСТГУ. Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. Вып. 2 (52). С. 9–29.
- 16 Норкин К. В. Становление церковного первенства Арля в Галлии и римские папы (398–432 гг.) // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 53–70.
- 17 Marin R. V. La primacia de Arlés en las iglesias galas durante el episcopado de Patroclo (411/413–426) // Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle chiese «principali» alle chiese patriarcali: XLIII Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015). Roma, 2017. (Studia Ephemeridis Augustinianum; 149). P. 307–318.

Три следующих параграфа погружают читателя в монашеско-богословскую традицию, с которой Цезарий соприкоснулся в юности и которая определила многие черты его характера. Д. М. Омельченко наглядно показывает, что в Леринском монастыре Цезарий получил возможность познакомиться именно с киновийным вариантом монашества, который имел популярность в Галлии благодаря усердной деятельности Иоанна Кассиана ещё в 1-й пол. V в. Киновии, или монашеские общежития, распространившиеся во многом под влиянием эллинистической культуры в нижнем течении Нила, с одной стороны, своим упором на поиск баланса между трудовой деятельностью и богословским созерцанием отличались от более строгих, почти по-военному дисциплинированных монастырей в соседней Палестине. С другой же стороны, жизнь в таких киновиях с общим имуществом являлась более упорядоченной, чем у тех же отшельников в верхнем течении Нила с их уклоном на духовный индивидуализм. Вполне объяснимо, что для алчущих пустыни галло-римлян и той её значительной прослойки, которую мы называем образованной элитой, киновии стали компромиссным вариантом в противовес монашеским общинам или философско-аскетическим кружкам, соблюдающим персональный культ святого Мартина Турского, но при этом лишённым всякой иерархичности и трудовой организации, или радикально строгим монастырям Пахомия Великого на Ближнем Востоке, где философским исканиям и интеллектуальным дискуссиям уделялось, очевидно, меньше внимания.

В завершение первой главы Д. М. Омельченко, не углубляясь в богословские тонкости, излагает суть полупелагианского конфликта, разразившегося на латинском Западе в V — 1-й пол. VI в. Данный дискурс оправданно помещён автором в контекст нескольких путей развития христианской религиозной философии, первый из которых выразился в систематизации догматов отцами Церкви (патристика), а второй — в практике монашеских общин (аскетическое богословие). Учение Августина о благодати и повреждённой воле плохо соотносилось с монашеской идеей аскезы и духовной брани, согласно которой человек волен сам выбирать между добром и злом. Более чем через сто лет после смерти зачинателей этого диспута Цезарию, впитавшему в себя монашескую традицию, но при этом понимавшему авторитет Августина для Церкви и Рима, предстояло разрешить на определённое время этот конфликт с наименьшим ущербом для всех противоборствующих сторон.

Глава II «Жизненный путь Цезария до епископства» по сути продолжает экспозицию событий, мест и действующих лиц эпохи, намеченную

в предыдущих параграфах. Здесь ведомый автором читатель получает возможность пройтись по основным местам детства и последующих скитаний ещё не окрепшего юноши, избравшего крест христианского подвижника. Всё это происходит на фоне подробного и местами даже вполне художественного описания основных локаций, в которых совершаются события: чего стоит одно только изображение бурлящей повседневной жизни на провансальских улочках «маленького галльского Рима», то есть Арля. Здесь невольно вспоминается методическая максима А. А. Фортунатова о том, что «в лекциях об Италии должен ощущаться аромат апельсиновых рощ и слышаться плеск морских волн»¹⁸. Данный эффект создаётся во многом благодаря тому, что автор использует широкий диапазон источников по истории становления Арля как знакового христианского города: от письменных источников до эпиграфики и археологии. Здесь же мы находим ещё одно достоинство книги: автор анализирует устоявшиеся и где-то выдвигает собственные оригинальные гипотезы, связанные с биографией главного героя. Вполне объяснимо, что эти теории сводятся в основном к мотивационному аспекту поступков и решений Цезария — Д. М. Омельченко видит в этом подходе те самые ключи к раскрытию «динамического» Цезария. Не стремясь отобрать хлеб у автора, я перечислю круг затронутых им вопросов и кратко представлю лишь некоторые:

- осознанность и причины ухода Цезария из мира, почему выбор Цезария пал именно на престижный Леринский монастырь;
- самостоятельным или вынужденным был уход из Лерина в Арль, почему именно Арль;
- было ли у Цезария изначальное желание построить церковную карьеру и/или оно являлось частью стратегии галло-римской аристократической семьи;
- желал ли Цезарий занять епископскую кафедру именно в Арле или где-то ещё;
- ставил ли Цезарий сознательную цель — опираться в своём карьерном продвижении на родственную помощь епископа Арелатского Эония.

Автор, рассуждая о возможных мотивах Цезария уйти из мира и построить карьеру в клире, сразу же откидывает версию о некомфортном от засилья варваров Кабиллоне, что, на мой взгляд, представляется верным. Взрыхляя зыбкие фрагменты «Жития» Д. М. Омельченко, кажется,

18 Цит. по: Биск И. Я. Размышления о преподавании истории. Тамбов, 1999. С. 42.

доходит до верного предположения. Она сначала справедливо обращает внимание на то, что агиографы довольно расплывчато сообщают о происхождении и статусе родителей Цезария, тогда как большинство фактов говорит о его знатности (с. 96–97), и заключает, что для «посмертной репутации Цезария было принципиально важно, что стремительная церковная карьера являлась результатом Промысла Божьего и личных качеств героя, а не следствием его родственных связей» (с. 97). И если для нашего случая это, вероятно, справедливый тезис, то последующее рассуждение Д. М. Омельченко довольно спорно: «К тому же топос знатного происхождения, который в сознании носителей античной культуры метафорически отождествлялся с благородством души, агиографам было довольно проблематично вписать в систему христианских ценностей» (с. 97). Между тем у нас есть обратные прецеденты. Мартин Турский, с большей долей вероятности, был более чем скромного происхождения, но его агиографы Сульпиций Север и Венанций Фортунат с помощью словесных метафор и аллегорий создавали самый что ни на есть аристократический образ своего *patronus*. У Венанция топос епископа благородного происхождения и вовсе был повсеместен в его поэтическом корпусе. Знатность происхождения и благородство души компактно коррелируют и взаимно дополняют друг друга у этих авторов¹⁹. На эти обстоятельства обращали внимание ещё Р. ван Дам²⁰, С. Коутс²¹ и Д. Н. Старостин²².

Д. М. Омельченко солидарна с коллегами, что «семья Цезария, вероятно, принадлежала к среднему классу землевладельцев, к куриалам, но не более» (с. 96), то есть речь идёт о представителях не самой богатой локальной знати, которые по наследству занимали позиции в городском совете. Далее следует довольно ожидаемый вывод: «Для представителей широких слоёв населения, — пишет Д. М. Омельченко, — карьера в духовенстве в V–VI вв. оставалась чуть ли не единственным каналом вертикальной социальной мобильности» (с. 101). Вкупе с имеющимися у нас данными о том, что почти все известные нам родственники Цезария посвятили жизнь служению Церкви, решение юноши стать клириком «не было нонсенсом в семье» (с. 100). По всей вероятности,

19 Манукян Э. М. «Идеальные» епископы поздней Античности: визуализация образа // *Vox medii aevi*. 2017. Vol. 1 (1). С. 50–70.

20 *Van Dam R. Saint and their Miracles in Late Antique Gaul*. Princeton (N. J.), 1993. P. 14.

21 *Coates S. Venantius Fortunatus and the Image of Episcopal Authority in Late Antique and Early Merovingian Gaul* // *The English Historical Review*. 2000. Vol. 115 (464). P. 1117–1118. Однако Коутс не видит мотивов аристократизации образа Мартина у Сульпиция.

22 *Старостин Д. Н. Идея истории у Сульпиция Севера* // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2013. Т. 13. С. 408–411.

Д. М. Омельченко хочет сказать, но почему-то до конца не договаривает, о так называемой *стратегии* на уход в клир, которая была характерна для многих галло-римских аристократических семей того времени²³. Мотивацию же подобных движений знати из мира в клир Д. М. Омельченко сводит к желанию обрести социальные статусы, которых уже не достичь на государственном поприще. На мой взгляд, это слишком упрощённая картина, если говорить обо всём периоде с V по VI в. Об односторонности такого подхода писал ещё в 80-е гг. Р. Матисен. Принимая прагматизм и материализм аристократии как данность, мы совершенно отказываем им в духовных идеалах. Ошибка заключается в том, что мы воспринимаем представителей аристократии сугубо как держателей должностей, в то время как они ещё и носители, читайте — хранители, греко-римской культуры и образованности. Это был не меньший маркер аристократической идентичности, нежели землевладение или honores. Аристократия могла видеть в Церкви защитную систему для собственного выживания как социального слоя со всеми присущими ей элементами идентификации²⁴. Таким образом, даже для VI в. перед нами более сложный процесс, нежели представлено в книге.

Кроме того, вызывает вопросы смущение Д. М. Омельченко по поводу выбора Цезарием карьеры в клире. Она ссылается на «Кодекс Феодосия», запрещавший принимать церковный сан куриалам, то есть людям, обладающим определённым состоянием для несения общественной службы (с. 102). При этом автор книги почему-то упускает из виду 10-й (13-й) канон Сардикийского Собора 343 г., постановляющий: «Богатый кто-либо или учёный, от светского служения удостоиваемый епископом быть, не прежде поставляется, а лишь когда совершит служения чтеца или диакона и пресвитера, дабы, проходя через каждую степень, если достойным признан будет, мог взойти на высоту епископства»²⁵. Таким образом, данное «табу» являлось условным. Смущение

23 Манукян Э. М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV–V вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45 (3). С. 415–426.

24 Mathisen R. W. The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Antique Gaul // Polis: revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica. 1994. Vol. 6. P. 203–220.

25 Canon X: Ὅσιος ἐπίσκοπος εἶπεν· Καὶ τοῦτο ἀναγκαῖον εἶναι νομίζω, ἵνα μετὰ πάσης ἀκριβείας καὶ ἐπιμελείας ἐξετάζοιτο, ὥστε ἐάν τις πλούσιος, ἢ σχολαστικὸς ἀπὸ τῆς ἀγορᾶς ἀξιόοιτο ἐπίσκοπος γίνεσθαι, μὴ πρότερον καθίστασθαι, ἐάν μὴ καὶ ἀναγνώστου, καὶ διακόνου καὶ πρεσβυτέρου ὑπηρεσίαν ἐκτέλεση, ἵνα καθ' ἕκαστον βαθμὸν, ἐάν περ ἄξιος νομισθεῖν, εἰς τὴν ἀψίδα τῆς ἐπισκοπῆς κατὰ προκοπὴν διαβῆναι δυναθεῖν; Osius episcopus dixit: Et hoc necessarium arbitror ut diligentissime tractetis si forte aut diues aut scholasticus

автора странно тем более, что итоговый вывод она делает вполне логичный. Так, Д. М. Омельченко заключает, что Цезария, скорее всего, сначала посветили в lector — сан, не требовавший полного отречения от светских дел. В качестве иллюстрации к подобной практике позволю себе вспомнить Аманция — одного из действующих лиц в корреспонденции Сидония Аполлинария. От последнего нам известно, что, будучи чтецом, Аманций продолжал зарабатывать на жизнь торговлей, постоянно курсируя в деловых поездках между Клермоном и Марселем. Но, судя по тексту, Аманций происходил из обычной семьи и ордо ему нужен был для патронажа его деятельности. В случае же Цезария, подобные обходные решения как раз-таки учитывали постановление Собора в Сардике и были обычной практикой для куриалов, которые предпочли священническое поприще. В целом же епископы подобного социального статуса не являлись экзотикой для Поздней Античности. Не так уж много времени прошло с того момента, как Ш. Патцольд привёл статистику по социальному происхождению галльских епископов для V–VI вв. Оказалось, что большая часть галльских епископов, чьё социальное происхождение удалось установить, были куриалами, то есть представителями среднего звена аристократии²⁶. Если приводить данные по другим регионам Европы, то, обратившись к классическим работам К. Рапп²⁷, К. Сотинель²⁸ и Р. Лицци Теста²⁹, мы обнаружим, что они приходят к схожим выводам. Миф о глобальном исходе в Церковь сенаторов в епископских мантиях, вероятнее всего, начал складываться ещё во времена романтизма Мишле и Шатобриана.

Как бы то ни было, общий мотив поведения Цезария и его семьи представляется в работе Д. М. Омельченко вполне обоснованным. Автор

de foro aut ex administratione episcopus fuerit postulatus ut non prius ordinetur nisi ante et lectoris munere et officio diaconi aut presbyterii fuerit perfunctus et ita per singulos gradus si dignus fuerit ascendat ad culmen episcopatus (*Hefele K.-J., von. Histoire des conciles d'après les documents originaux: en 12 t. T. 1. Paris, 1869. P. 577*).

- 26 Патцольд Ш. Епископы, социальное происхождение и организация местной власти около 500 года // *Vox medii aevi*. 2017. Vol. 1 (1). С. 18–49.
- 27 Rapp C. *Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition*. Berkeley (Calif.), 2005. P. 183–194.
- 28 Sotinel C. Le recrutement des évêques en Italie aux IVe et Ve siècles: Essai d'enquête prosopographique // *Vescovi e pastori in epoca teodosiana: in occasione del XVI centenario della consacrazione episcopale di S. Agostino, 396-1996; XXV Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana, Roma, 8–11 maggio 1996: in 2 vols. Vol. 1: Parte generale. Roma, 1997. (Studia Ephemeridis Augustinianum; 58). P. 196.*
- 29 Luzzi R. *The Late Antique Bishop: Image and Reality // A Companion to Late Antiquity / ed. by P. Rousseau with the assist. of J. Raithel. Malden (Mass.); Oxford, 2009. P. 525–539.*

сама делает вывод о том, что данный вектор развития, по сути, не являлся каким-то новаторским для знатных галло-римских семей. Но от этого ещё более внезапным кажется «недоумение» (с. 102) Д. М. Омельченко относительно пассажа из «*Vita Caesarii*», в котором родители Цезария выступают против решения сына стать клириком. Епископ Кабиллона Сильвестр, кажется, игнорирует позицию отца Цезария и посвящает того в служители Бога: «Странно, что “Житие Цезария” ничего не говорит о попытке Сильвестра выяснить волю отца Цезария, чей авторитет юноша должен был почитать» (с. 102). Удивительно, но автор не заметила, что перед ней хрестоматийный топос «восстания сына против отца», отсылающий нас к Мф. 10, 35–37. Однако данный агиографический норматив не мог не иметь реальной исторической основы: действительно, в источниках мы находим не один пример такого протеста. М. Уэс довольно любопытно описал этот феномен в контексте социальных взаимоотношений в позднеантичной Галлии. Восстание сына против своего земного отца нужно расценивать не только как предпочтение ему Отца Небесного, но и как определённый разрыв с аристократической системой ценностей и социальной моделью, где сын должен беспрекословно подчиняться *pater familias* и готовить себя к дальнейшей светской службе до тех пор, пока с течением времени он сам не будет готов занимать определённые позиции на вершинах иерархической пирамиды в семье и социуме (может, это ещё один аргумент в пользу знатности Цезария?). Идея подобного протеста пронизывает значительный пласт галльской духовной литературы от Евхерия Лионского до Илария Арелатского. Концепция состояла в конструировании христианами новой социальной парадигмы на основе старой традиционной, где *domini* подменялись на *Dominus* в качестве венца пирамид, а остальные агенты социальных отношений становились равными друг другу. Уэс пишет, что подобное *conversio* могло сопровождаться «*identity crisis*»³⁰. Сложно сказать, присутствовал ли подобный кризис идентичности у Цезария и стоит ли считать положения Уэса и Матисена взаимоисключающими. Факторов могло быть много, но то, что семья Цезария была христианской уже не в первом поколении, а среди её членов многие служили Церкви, говорит о многом. Топос, который поместили в текст «Жития» агиографы, вероятно, отражал старую литературную и историческую традицию, демонстрирующую готовность главного героя презреть блага мира сего.

30 Wes M. A. Crisis and Conversion in Fifth-century Gaul: Aristocrats and Ascetics between «Horizontality» and «Verticality» // *Fifth-century Gaul: A Crisis of Identity?* / ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge, 1992. P. 252–263.

Разбирая причины ухода Цезария в монастырь, Д. М. Омельченко не удовлетворяется ответами агиографов в духе поиска истинного спасения и любви к Царствию Небесному. Автор последовательна в своём убеждении, что намерениями Цезария двигал и рациональный прагматизм. Мне представляется вполне логичным её предположение о дискомфорте Кабиллона как стартовой площадки для церковной карьеры. Вероятно, продолжает автор, в самом городе у семьи Цезария не было значительной поддержки, чтобы подняться по карьерной лестнице, а сан чтеца не сулил огромных перспектив и возможностей³¹. Даже выбор Цезарием далёкой, но прославленной целой епископской плеядой Леринской обители, а не соседних от Кабиллона монастырей подкрепляет эту гипотезу. К тому же неподалёку от Леринских островов располагался Арль, где местную кафедру занимал родственник Цезария Эоний. Данное обстоятельство тоже даёт автору пищу для размышления о загадочном отплытии Цезария уже из Лерина в Арль. Однако на месте автора я не был бы так уверен в том, что эти решения принадлежали единолично Цезарию. Как минимум, он должен был координировать свои действия с родителями; и как максимум, ими был выработан конкретный курс. Таким образом, абсолютно верно Д. М. Омельченко обращает наше внимание на одно обстоятельство жизни Цезария, которое, на первый взгляд, совсем не лежит на поверхности. В житийном рассказе не разработана тема священнического призвания, в то время как идея монашеского призвания становится в этой части текста центральной. Даже если что-то нельзя полностью скрыть от взора читателя, агиографы всегда могут направить этот взор в нужную для них и их концепции сторону.

Эпизод конфликта молодого келаря Цезария с леринской братией и его последующим изнурительным постом, который закончился болезнью и отплытием для лечения на материк, Д. М. Омельченко, пользуясь белыми пятнами «Жития», умело превращает в настоящее детективное расследование, пытаясь найти наиболее вероятные мотивы поведения главного героя и примирить два полюса восприятия Цезария в историографии: Цезария-карьериста и Цезария-подвижника. Отдельного

31 Д. М. Омельченко приводит в пример то, что даже обычай древней Церкви, по которому чтецы могли произносить проповеди, к этому времени был забыт. Однако нельзя игнорировать роль епископов в этом процессе, которые, видимо, экспроприировали данную функцию у более низких чинов. Проповедь являлась одним из ключевых инструментов конструирования епископом христианской общины и репрезентации его персонального авторитета над своей паствой (см. подробнее: *Биркин М. Ю.* Епископ в вестготской Испании. СПб., 2020. С. 86–104).

внимания заслуживает то, как автор анализирует события, произошедшие с Цезарием, с точки зрения их влияния на его дальнейшее мировоззрение и жизненную стратегию. Автор, вероятно, права, интерпретируя этот конфликт частично как столкновение двух моделей идеального подвижничества: юноша-максималист Цезарий видел этот идеал в полном самоотречении и самоистязании, тогда как более зрелая концепция общежительного монашества требовала умеренности и послушания. Дальнейший анализ текстов и поведения Цезария, проведённый Д. М. Омельченко, иллюстрирует, что юноша вынес важный урок из этой истории, и мы видим более взвешенную позицию Цезария относительно идеала монашеской жизни. Восемь лет на Лерине явились важной вехой становления Цезария как зрелой личности, способной объединять и созидать, и он в полной мере продемонстрирует это на епископском престоле Арля.

Глава III «Цезарий в орбите церковной и светской политики» открывается исследованием того, как формировалась личность главного героя в контексте его епископского служения. Вкупе с кафедрой Арля новоиспечённый епископ получил и ряд острых церковно-политических вопросов, которые давно назрели в регионе и требовали разрешения. Таким образом, данная глава структурирована в соответствии с тремя векторами его церковно-политической деятельности: Цезарий и королевская власть, Цезарий и папство, Цезарий и соборная деятельность (завершение полупелагианских споров).

Здесь исследовательница встала на путь интерпретации сложного текста. Хорошо известно, что Цезарий, являясь епископом уже постымперской эпохи, вынужден был взаимодействовать с королями варварских конгломераций, которые с переменным успехом боролись за контроль над Арлем. При этом в «Житии» встречаются противоречивые образы германских королей, а сам Цезарий в тексте обращается в лёгкую мишень для обвинений в измене со стороны своих «искушённых дьяволом» недоброжелателей. Не удивительно, что в его измену легко верят наивные властители варваров. Данное обстоятельство, разумеется, приводило к репрессиям по отношению к «нелояльному» епископу и его ссылкам. Однако эти процессы, почти все как один, заканчиваются в тексте «Жития» оправданием и немедленной реабилитацией Цезария, который в конце некоторых тематических эпизодов опознаётся королем или общиной как человек Божий.

Д. М. Омельченко верно подмечает, что прежде всего здесь стоит вспомнить, кто, когда и в каких обстоятельствах писал «Житие»: «Перед жившими во Франкском королевстве авторами “Жития” стояла

труднодостижимая цель. Нужно было рассказать о епископе, пик церковного могущества которого пришёлся на время правления королей-еретиков» (с. 191). Вполне объяснимо, что история о святом епископе, покойно служившем под властью арианских правителей, вряд ли нашла бы сочувствие при дворе ортодоксальных франков, уже не говоря о том, что она не пошла бы на пользу авторам или арелатской общине, чей город к тому моменту заняли франки. Такая исходная позиция становится ключом к интерпретации подобной акцентуации со стороны агиографов: «Отсутствие гонений или серьёзных притеснений со стороны последних (королей-еретиков. — Э. М.) лишало агиографов возможности создать образ мученика за веру. С другой стороны, необходимо было затушевать то обстоятельство, что внутри ортодоксальной общины арлезианцев постоянно существовали партии, враждебные Цезарию, что заставляло его искать поддержки, в том числе, у арианских правителей» (с. 191–192). Продолжая мысль автора, добавлю от себя, что вряд ли стоит здесь говорить о выдуманных на пустом месте историях. Например, рассуждая об эпизоде с высылкой в Бордо, Д. М. Омельченко зачем-то приводит без опровержения гипотезу К. Делаплас о последующей интерполяции этого пассажа в «Житие» (с. 155), хотя буквально несколько абзацев назад сама Д. М. Омельченко приводила письмо Руриция Лиможского, свидетельствующее о встрече последнего с опальным епископом в Бордо (с. 151). Впрочем, Д. М. Омельченко всё же заключает, что речь должна идти скорее о статусе сосланного: это была репрессия с последующим изгнанием со стороны Алариха II или временная физическая изоляция для разбирательства в деле? Если резюмировать, то, на мой взгляд, при рассуждении о политическом взаимодействии Цезария с варварскими королями прежде всего должен быть поднят вопрос о расстановке акцентов создателями «*Vita Caesarii*», а не подложности того или иного эпизода жизни святого.

Вместе с тем Д. М. Омельченко удалось на основе источников и имеющейся историографии деконструировать сложность и неоднозначность политических перипетий, с которыми столкнулся герой повествования. Не теряя драматичности, присущей житийному нарративу, автор анализирует не только сами политические ситуации, но и стратегии их решения Цезарием, раскрывая его как епископа-дипломата. Такого рода анализ позволяет автору подобраться к выявлению основных черт характера и качеств личности. Хрестоматийный пример авторского разбора, на который особо хочется обратить читательское внимание, это эпизод с даром Теодориха (с. 164–168).

В центре взаимоотношений Цезария с Римом автор выделяет три принципиальных для историографии вопроса: почему папа выбрал именно Цезария в качестве своего представителя в Галлии? что означал титул *Vicarius* для Цезария? могло ли викариатство означать факт полной зависимости Арля от Рима? Хочется выделить то, что Д. М. Омельченко в своих объяснениях не довольствуется традиционным геополитическим подходом в этом вопросе, но также проводит характерную параллель между личностями святителя и папой Симмахом, вскользь апеллируя к схожей судьбе, социальному статусу и политическому положению последнего. Также Д. М. Омельченко не оставляет без внимания и политические интересы обоих епископов, замечая, что после смены политической обстановки (вхождение Арля в состав одного государства с Римом, внутрицерковная оппозиция, конкуренция с Вьенной) Цезарий едва ли не в первую очередь был заинтересован в сближении с градом святого Петра. Разбирая реальные возможности Цезария и папы после их соглашения, исследовательница приходит к выводу, что титул митрополита Галлии, римского викария, и символический паллиум не являлись подспорьем ни для первого — к абсолютной церковной власти над регионом, ни для второго — к установлению контроля над галльскими Церквами.

В целом же вершиной политической деятельности Цезария Д. М. Омельченко считает завершение им полупелагианских споров. Автор старается самостоятельно не касаться тонкостей этой богословской проблемы, предпочитая следовать в этом за Р. Уивер. Однако показательно, что Д. М. Омельченко, интерпретируя позицию Цезария, во многом ориентируется на его личный монашеский и пастырский опыт, с одной стороны, и на политическую конъюнктуру, с другой: был необходим компромисс между августинизмом, имевшим авторитет в Риме, и личными взглядами Цезария, которые во многом определялись его интересами как пастыря общины, работающего «в поле». Автор вполне корректно демонстрирует, что, несмотря на ряд местами настоящих, местами относительных успехов Цезария на политическом и соборном поприще, его положение как беспрекословного лидера и митрополита Галлии зачастую было весьма эфемерным.

Глава IV «Цезарий как организатор жизни духовенства и монашества», наряду с последующей главой, выступает центральной в исследовании. Общеизвестно, что аскетическая направленность производимых Цезарием преобразований в жизни духовенства проистекала идеологически из той монашеской среды, в которой он вращался в Лерине.

Но Д. М. Омельченко идёт дальше и ставит здесь вопрос о степени и характере зависимости реформ Цезария от трактата его учителя Юлиана Померия «*De vita contemplative*», в котором последний делился своими, весьма схожими с реформами Цезария, размышлениями о цели и образе епископского служения: «Всё это очень напоминает, а местами дословно повторяет то, о чём рассуждал сам Цезарий и чему следовал на практике. “Конструировал” ли трактат реальность Арелатского диоцеза или “описывал” его? Был ли он идеологическим основанием преобразований, или, наоборот, в нём был осмыслен опыт епископа Цезария?.. Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен хотя бы в силу того, что не известно точное время создания трактата. Однако несомненно тесная связь того, что делал Цезарий, и того, над чем размышлял Юлиан» (с. 205; см. также с. 128). Связь-то несомненна, но отмечу, что сама постановка вопроса и его исходные положения представляются несостоятельными. Во-первых, Цезарий мог познакомиться с Юлианом не ранее, чем с того момента как прибыл в Арль в самом конце V в. (ок. 497/498). Во-вторых, если точная дата публикации сочинения нам неизвестна, то, по крайней мере, мы знаем примерный хронологический промежуток его выхода в свет. На него указывают исследователи творчества писателя: самый конец V — самое нач. VI в.³² При условии,

32 *Timmermann J. Sharers in the Contemplative Virtue: Julianus Pomerius's Carolingian Audience // A Journal of Medieval and Renaissance Studies. 2014. Vol. 45. P. 1; Suelzer M.-J. Introduction // Julianus Pomerius. The Contemplative Life / transl. and annot. by M. J. Suelzer. Westminster (Md.), 1947. P. 4.* Д. М. Омельченко также безапелляционно заявляет: «Не вызывает сомнений только то, что в момент обучения Цезария трактат ещё не был написан Померием, ведь одна из ключевых идей в нём — необходимость для проповедника отказаться от риторики, чтобы быть понятным всем, а не узкому кругу образованных слушателей. Вряд ли пришедший к пониманию этого Померий стал бы учить искусству красноречия [Цезария. — Э. М.]» (с. 128). Начну с того, что доподлинно мы не знаем, чему всё же учил Юлиан Цезария и как последний к этому отнёсся. Ещё У. Клингширн указывал на то, что *visio* из сочинения «*Vita Caesarii*», в котором книга, полученная Цезарием от Юлиана, превратилась в пожирающего руку дракона, искусственно создавало нужное для агиографов напряжение между наставником-мирянином Юлианом и учеником-аскетом Цезарием, отвергнувшим в итоге «глупую мудрость» мирской науки (*Klingshirn W. E. Caesarius of Arles. P. 74*). В продолжение этой мысли Дж. Тиммерман пишет: «Вопреки тезису *Vita*, собственные реформаторские усилия Цезария и его подход к епископскому управлению были явно обязаны “мирским” взглядам Померия и, не в последнюю очередь, его синтезу аскетизма и ортодоксальной августиновской экклезиологии. Тем не менее то, что агиографы называли Померия нечестивым писателем — преднамеренное противопоставление “более чистой” форме благочестия Цезария — возможно, позднее отразилось на восприятии средневековыми читателями Померия и на их отношении к его имени» (*Timmermann J. Sharers in the Contemplative Virtue: Julianus Pomerius's Carolingian*

что Юлиан скончался спустя недолгое время после публикации³³, а Цезарий стал епископом около 502 г., возникает вопрос: каким образом ещё не ставший епископом Цезарий мог повлиять своими преобразованиями на взгляды Юлиана? Безусловно, пылкость молодого человека, недавно прибывшего из Лерина, имела шанс в какой-то мере оказать воздействие на Юлиана, но едва ли этого было достаточно, чтобы повлиять ключевым образом на уже давно сформированное мировоззрение такого интеллектуала как Юлиан Померий (на момент их знакомства Юлиану было около 50 лет). И если искать какую-то идеологическую основу сочинения арелатского ритора, то мы должны назвать

Audience // *Op. cit.* P. 6–7). Во-вторых, как мы видим из письма Эннодия к Юлиану Померию, последний упрекал медиоланского дьякона в недостаточном красноречии. Данное письмо традиционно датируется 503 г., то есть временем, когда Цезарий уже был епископом. Письмо так и осталось без ответа; вероятно, это произошло по причине смерти самого адресата. Как замечает переводчик письма и специалист по творчеству Эннодия В. М. Тюленев, итальянский дьякон, хотя, по его словам, и отрёкся от красноречия, но всё же был глубоко задет уколами Померия и предпочёл молчаливому смирению ответный удар, сбивающий наповал: «Теперь же прощай, мой господин, и яви себя по отношению ко мне скорее покровителем церковного учения. Напиши и сообщи мне, кто у Мельхиседека были родителями, как истолковывается ковчег, в чем потаённый смысл обрезания и что заключено в тайнах пророков. Пусть будут отброшены цветастые фразы мирских [писателей], служащие преходящим убеждениям, сходные с тканью Пенелопы». В. М. Тюленев даёт тонкую интерпретацию этого места: «Выпад в адрес Померия совершенно не случаен. Этот выпад – не просто напоминание о долге священнослужителя. Это напоминание Померию о его же собственных словах. Действительно, Эннодия могло уязвить в критике Померия то, что сам арелатский грамматик в произведении “О зерцательной жизни”, которое медиоланский диакон мог читать, предостерегал служителя Церкви от увлечений красноречием» (Тюленев В. М. Эннодий и Померий: к истории одного письма // *Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2013. Вып. 3 (6). С. 71–72). Подчеркну, что здесь прослеживается явное обращение к Померию как к клирику. По логике Д. М. Омельченко, трактат не мог быть написан даже к этому времени. Но если в 502/503 г. Померий ещё оставался светским ритором и любимцем харит, то не ясно, как за такой короткий промежуток времени (от этой даты до своей скорой смерти) ему удалось испытать настоящую ценностную конверсию и написать целое сочинение. Таким образом, даже если Померий и обучал Цезария риторике, то это вовсе не означало, что к этому моменту трактат не был написан. Поздняя Античность – это культура парадоксов, где классическая образованность была от рождения вшита в сознание элиты и интеллектуалов как элемент их культурной самоидентификации, как символ их всё ещё продолжающего существования в эпоху «всеобщего умирания». Это было время, где муза и Дева Мария могли мирно уживаться на полях страниц церковных учителей и дружно соседствовать в сентенциях религиозных проповедников.

33 *Timmermann J. Sharers in the Contemplative Virtue: Julianus Pomerius's Carolingian Audience // Op. cit.* P. 1.

прежде всего Августина. Специалисты приходят к выводам, что идейное средоточие «О созерцательной жизни» во многом является рецепцией воззрений великого африканца. Тут же стоит вспомнить родину Юлиана — Северную Африку. Таким образом, если и выражаться в терминах идеологической зависимости, то именно Цезарий должен был быть зависим от Юлиана, а не иначе. Как итог, я не стал бы брать такой односторонний ракурс, какой предлагает нам автор разбираемой монографии во взаимоисключающих категориях «либо/либо».

Вместе с тем Д. М. Омельченко очень точно распознала суть преобразований Цезария: «Помочь клирикам осознать своё особое положение в теле Церкви, сопряжённое с определёнными обязанностями, образом жизни и поведения» (с. 205). Исследовательница замечает, что представители галло-римского духовенства в целом не чётко идентифицировали себя как социальный слой, относящийся к Церкви, и продолжали видеть в себе аристократическую прослойку, отделённую от общества с привычным для себя *modus vivendi* и предрассудками. Расхожее и вовсе не безосновательное утверждение в историографии, однако требующие верификационной базы в рамках конкретного исследования. Они у Д. М. Омельченко есть, но, к сожалению, удачными их назвать нельзя, как минимум, по причине их поверхностного разбора и, соответственно, клишированности, например, в месте, где автор использует хрестоматийное письмо Сидония Аполлинария. Позволю себе полностью привести фрагмент этой «саги» в пересказе Д. М. Омельченко, ибо пересказ в своей драматургии имеет все шансы состязаться с оригиналом (если не превзойти его): «Жизнь Сидония Аполлинария — велеречивого аристократа, ставшего Арвернским епископом, — вновь даёт нам возможность ощутить это. Однажды, будучи уже в сане епископа, он возвращался из поездки и заметил, что на заброшенном кладбище около Лиона крестьяне перекапывают землю на могиле его деда, префекта Галлии. В порыве оскорблённой аристократической гордости епископ до смерти забил святотатцев. Когда порыв ярости прошёл, Сидония охватило беспокойство, но вовсе не потому, что он совершил убийство, а потому, что совершил его в чужой епархии. Сидоний отправил письмо лионскому епископу с подробным изложением дела, и тот ответил в духе аристократической солидарности: “Дерзновенные виновники погибли законно”» (с. 206).

Это не первая попытка инкриминировать Сидонию убийство, и нам не составит особого труда отыскать первоисточник подобного мифа. Степан Васильевич Ешевский, конечно, является пионером российского

сидониеведения, однако его нельзя назвать безупречным в плане работы с источником, и его принадлежность к романтическим историкам XIX в. вовсе не главная тому причина. Он был, очевидно, зависим от французского перевода текста. Это приводило к рождению разного рода штампов о Сидонии и к последующему их кочеванию по страницам отечественного историописания вплоть до нынешней поры. Автор данного очерка также в свои юные годы стал жертвой доверия к авторитету Ешевского. Если потрудиться и всё же открыть оригинальный текст послания, то мы увидим, что Сидоний нигде прямо не говорит, что была совершенна казнь: глагольные формы *torsi* (*torqueo* — «скручивать», «истязать», «мучать», «пытать») и *caesos* (*caedo* — «бить», «колотить», «сечь», «убить») не обязательно связаны именно с умерщвлением или последующей казнью, это могла быть всего лишь порка, которую тоже можно классифицировать как практику обычного права³⁴. Сидоний являлся действующим епископом; и весьма опрометчиво полагать, что он всерьёз стал бы писать о факте собственноручного убийства в открытом письме митрополиту.

Причём немногим ранее в этой же книге Д. М. Омельченко вспоминает дело некоего галльского епископа Целидония (середина V в.), которого хотели лишить сана из-за того, что он в бытность свою чиновником подписывал смертные приговоры, то есть это было до епископства, да он и не убивал лично, а только подписывал распоряжения (с. 39). Память о предках, верность их идеалам и забота об их прахе суть те категории, сплочение вокруг которых способствовало конструированию коллективной идентичности в среде галло-римской церковной аристократии. Будучи же крайне перформативным и экспрессивным автором, Сидоний понимал, как важно использовать наиболее ярко свои письма как орудия подтверждения социальной (само)идентификации.

Одной из характерных черт Цезария, выделяющих его из ряда епископов-аристократов, Д. М. Омельченко считает его отказ от *otium*. Исследовательница, безусловно, права в этом утверждении, как и в том, что престижные формы досуга, например: литературное и поэтическое творчество, охота, рыбалка, игры и развлечения — занимали значимое место в жизни большей части галльских епископов V в. и даже

34 Возражая на это, нас, вероятно, попробуют отослать к упоминаемому Сидонием в этом письме *mos maiorum*, однако вопреки предубеждениям у нас нет точных доказательств того, что обычное право непременно подразумевало только высекание с обязательно последующей казнью (*Тираспольский Г. И. Беседы с палачом: Казни, пытки и суровые наказания в древнем Риме. М., 2003. С. 51–52*).

некоторых современных Цезарию. Но здесь следует сделать ряд оговорок. Во-первых, причины пассивности знати к *negotium* и, напротив, активного интереса к *otium*, сводятся у автора лишь к стремлению аристократии сохранить древнюю образованность на фоне молниеносно восходящего варварского мира, тогда как основания подобного явления кроются в целом комплексе социально-экономических, политических, идеологических процессов, происходящих в середине V в. н. э.³⁵ Понятия *negotium* и *otium* не были статичными и отношение к ним менялось по мере преобразований в римской государственной системе. Галло-римские аристократы отныне видели суть *negotium* в достижении персонального успеха (*honores*), а не в укреплении *res publica* по причине кризиса политической сферы эпохи домината, понимания своей невозможности реально влиять на государственные дела и, в связи с этим, нарастающей всеобщей депрессивности и апатичности к участию в общественно-политической жизни. Во-вторых, помимо яркого и насыщенного досуга, на который так настойчиво указывает Д. М. Омельченко, епископы-аристократы V в. всё же занимались и церковной деятельностью. Я не знаю, требуется ли перед читательской аудиторией серьёзного академического издания приводить доказательства такого, кажется, очевидного тезиса? Церковное поприще аристократы вполне себе воспринимали как *negotium*³⁶. Сама жизнь и деятельность Цезария, и даже Сидония, тому подтверждение. С другой стороны, О. Н. Мамина на примере Саллюстия и Плиния Младшего убедительно показала, как литературное творчество из *otium* может трансформироваться в *negotium*³⁷. Точно так же если «Письма» Сидония Аполлинария, которые Д. М. Омельченко вполне справедливо окрестила «энциклопедией *otium*», рассматривать не просто как объект литературного досуга, но ещё и как идеологический манифест по выживанию галло-римской аристократии, то мы увидим, что в таком контексте подобная литературная деятельность должна была восприниматься Сидонием как самый обыкновенный *negotium*. Пусть он местами утопичный, но Сидоний хотел спасти аристократию (и её идентичность) как слой в «стенах» Церкви и ради этого делал то, что считал возможным и приемлемым в данный исторический момент. Цезарий же был

35 См. об этом: *Мамина О. Н.* Понятия «*negotium*» и «*otium*» в сочинениях Сидония Аполлинария // *Античная и средневековая идеология: античная древность и средние века.* Свердловск, 1984. С. 66–79.

36 Там же. С. 76.

37 Там же.

человеком уже совсем иного мировоззрения, бэкграунда и исторических условий (постимперский период, усиление кризиса образованности и т. д.). Он видел свои задачи в качественно новом русле и вряд ли мог бы даже помыслить о том, что философия *otium* может хоть как-то помочь сформировать идентичность клира как социального слоя. Это было априори бессмысленно и нереально.

По мере прочтения книги бросается в глаза закономерность: параграфы, где не требовалось значительного привлечения сторонних источников и историографии (то есть не связанных напрямую с Цезарием), являются у Д. М. Омельченко наиболее сильными. К числу таких относятся, например, два последующих: «Община клириков в Арелате» и «Роль Поместных Соборов в преобразовании жизни духовенства». Цезарий создал в Арле что-то наподобие монашеской общины для представителей клира. Исследовательница находит исторические корни такой реформы в иерусалимской общине апостолов, в преобразованиях Августина и, что в связи с последним неудивительно, в трудах Юлиана Померия. В такой общине, по представлениям Цезария, жизнедеятельность клириков имела бы чёткую дисциплину и распорядок и, что самое главное, такая община, вероятно, стала бы площадкой для формирования новой идентичности арелатского духовенства. В этом контексте заслуживает внимания ряд введённых Цезарием практик, которые Д. М. Омельченко интерпретирует как инструменты формирования новой идентичности, например, целибат, практика которого ещё не была распространена на Западе как канонически обязательная для духовенства, а на Востоке была обязательна только для епископов: «Отказ от семьи символически вычленил епископа из семейно-клановых связей и должен был избавить от подозрений в желании удовлетворить интересы собственной семьи за счёт церковного имущества» (с. 224). Ещё одним подобного рода инструментом в работе Цезария стало требование читать Писание и духовную литературу. Автор делает попытки разобраться в структурных вопросах (насколько это возможно) о количестве клириков в общине, её социальном составе, круге чтения и т. д. На вопрос, можно ли считать общину Цезария неким учебным заведением для духовенства, она, приводя ряд косвенных свидетельств в обе стороны, с осторожностью отвечает: «Вряд ли община Цезария была церковно-приходской школой или семинарией, предполагавшей систематическое образование. Скорее всего, её основная функция была той, которую выполнял Леринский монастырь <...> воспитание религиозной культуры будущего духовенства» (с. 230). При этом, не отрицая

строного прагматизма в деятельности Цезария, исследовательница солидарна с У. Клингширном, что другой важнейшей задачей общины было формирование круга сторонников епископа.

Как я отмечал ранее, одно из ярких достоинств авторского подхода состоит в изображении реальных трудностей, с которыми столкнулся Цезарий на пути своих преобразований. Арелатский епископ не желал ограничиваться в своих реформах исключительно внутренним диоцезом. Здесь рычагами воздействия на сопредельные регионы становятся Поместные Соборы, на которых Цезарий старался лоббировать собственную повестку. Однако успехов, которых он добился в Арле, не приходилось ожидать в соседних диоцезах. Д. М. Омельченко даёт этому взвешенные объяснения: несмотря на высокий статус Цезария, его авторитет в остальной Галлии всё же был довольно эфемерным; так же она указывает на сопротивление в регионах со стороны клириков других взглядов и образа жизни (с. 232–237); не последнюю роль сыграла и специфичность навязываемого Цезарием идеала, который, по ёмкому выражению автора рецензируемой книги, был явно не для всех.

Как мне кажется, наиболее ценными для исторической науки, с точки зрения новизны и оригинальности выводов, выступают прежде всего параграфы, посвящённые женской теме. Их в книге целых четыре, три из которых помещены в четвёртую главу. Они раскрывают круг вопросов, связанных с женским монастырём в Арле, с «Правилom для дев» и ролью монахинь в преобразованиях Цезария, соответственно. В отечественной историографии эти аспекты деятельности Цезария учёные, как правило, обходили вниманием и до сего времени не исследовали системно. Д. М. Омельченко, вероятно, первая начала последовательно изучать это поле. При этом нельзя сказать, что в работах зарубежных коллег эта тема исследована достаточно глубоко.

Не отказывая Цезарию в следовании духовным идеалам, Д. М. Омельченко не без оснований вписывает основание им женского монастыря в Арле в контекст внутрицерковной борьбы. Автор привлекает данные письменных источников, археологии, а также урбанистики Арля и делает вывод, что епископ намеренно решил заложить строительство женского монастыря не в самый стабильный для своего положения момент, вложив тем самым в постройку сакрального объекта функцию репрезентации епископского авторитета. Исследовательница отсылает нас к местоположению обители в городском пространстве: она находилась на месте древнего баптистерия и в непосредственной близости

от собора и *domus ecclesiae*. Д. М. Омельченко предполагает, что Цезарий намеревался создать что-то вроде христианского квартала в своём городе, или, добавлю от себя, «епископской цитадели». О важности для Цезария женского монастыря свидетельствует также пожалование им для обители церковного имущества и ярое отстаивание перед королём и папами права подобного отчуждения. В целом же у нас мало позднеантичных свидетельств о женском организованном монашестве, что может говорить как о неординарности действий Цезария, так и об уникальности самого исторического прецедента.

В этой связи представляется важным авторский анализ «Правил для дев» Цезария. Отдельной заслугой автора является попытка соотнести нормативную модель, предложенную в документе, с потенциально реальной практикой. На основе критического сопоставления текста «*Regula virginum*» с другими источниками (преимущественно, относящимися к Цезарию) Д. М. Омельченко посвящает читателя в базовые принципы женского общежития, в запреты и дозволения, а также рассказывает о нюансах быта и повседневной жизни. Автор пытается составить социальный (местами и психологический) портрет монахини Цезариевой обители. Как итог, она задаётся логичным вопросом о функциях и роли, которую должны были выполнять монахини по замыслу Цезария. Стремление исследовательницы осторожно разобраться в этом серьёзном вопросе помогает ей «оживить» монахинь на страницах своей книги, призвать голоса тех, кому волей истории суждено было остаться безмолвными, по выражению автора, «в гуле мужских голосов». Особенно интересной и одновременно загадочной вырастает здесь личность Цезарии Младшей — племянницы святого, которую он назначил аббатисой возведённого монастыря. Она, очевидно, была важным человеком в жизни Цезария, а Д. М. Омельченко вообще считает её одной из ключевых фигур в процессе конструирования памяти о святом после его кончины. Собирая обрывки и без того ограниченных источников о Цезарии Младшей, Д. М. Омельченко по крупицам восстанавливает духовный портрет женщины далёкой эпохи.

Глава V «Епископ и миряне» и вовсе, я уверен, должна стать классикой анализа пастырской деятельности и христианских проповедей. Исследовательница выделяет направления социально-карикативной работы Цезария, среди которых учреждение общественного госпиталя при Церкви и выкуп пленных. Она связывает это с шедшими одо­ временно процессами церковной христианизации и прагматичного поиска людьми устойчивой опоры в кризисное время. Д. М. Омельченко

последовательна в своём анализе и рассматривает каритативную стратегию Цезария с обеих сторон: с точки зрения достижения духовного норматива *pastor bonus* и с позиции очевидного прозелитизма и укрепления епископского авторитета. И вновь хочется высоко оценить авторский подход к прочтению агиографического материала. Дабы не увеличивать и без того пространный текст рецензии, отсылаю читателя к анализу житейного сюжета о прокормлении пленных в Арле, где автор прекрасно демонстрирует методы вскрытия топологического пласта (с. 301–303).

Д. М. Омельченко подчёркивает, что проповедь занимала центральное место в представлениях Цезария о епископском призвании. Помимо того, что она является непосредственным каналом передачи информации пастве, проповедь несёт также функцию репрезентации епископской власти. Автор рассуждает о стиле проповеди, предлагая нам сравнить Цезария-проповедника с его коллегами. Однако этот фрагмент главы я не смог бы назвать удачным. Дело в том, что автор монографии время от времени грешит поверхностным изображением исторических личностей, местами же и вовсе не пытается даже сделать намёк на раскрытие окружения главного героя, которое, казалось бы, напрямую не относится к нему. Не повезло оказаться в этом списке, помимо ранее упоминаемого Сидония, и другим небезызвестным предстоятелям Галлии. Из книги мы узнаём, что Фауст Регийский и Авит Вьеннский «не стремились приспособлять свой слог к уровню своих наименее образованных слушателей. А Иларий Арелатский, увидев в церкви хотя бы несколько образованных людей, становился в своём красноречии “выше самого себя” и вызывал “зависть у опытейших мирских ораторов того времени”. Более того, велеречивый Иларий был способен поучать народ в воскресенье “с утра и до седьмого часа” (т. е. до часа пополудни)» (с. 309). В первом и втором примерах даются без детальных пояснений ссылки на Ю. А. Кулаковского и «Житие Илария» авторства Гонората Массилийского, соответственно. Считая это достаточным, Д. М. Омельченко методично и с приведением источников описывает особенности проповедей уже Цезария. Вообще, историку, который поставил перед собой задачу раскрыть личность в её динамическом развитии на фоне эпохи, следовало бы уделить больше внимания для представления и других исторических личностей, схожих с ней по роду деятельности и, возможно, по некоторым другим параметрам. Уникальность одной личности лучше видна в сравнении с другими. Добавить к характеристике проповедей Фауста, Авита и Илария хотя бы небольшие цитаты с анализом (как исследовательница сделала

в случае с Цезарием) — и мы получим более широкую картину. Я уже не говорю о попытках интерпретировать те или иные причины и мотивации «ролей второго плана», что могло бы увести нас от одностороннего восприятия этих личностей. Решение же показать динамику одной фигуры за счёт мнимой статики другой мне представляется методологически некорректным.

Если вернуться к Цезарию, то как мы уже могли понять, его проповеди характеризовались скромным слогом. Но автор в этом случае не останавливается лишь на сухой оценке, её интересуют причины подобной стилистики, а также филологические, психолого-лингвистические и хронологические аспекты проповеди. Так, уверенно опровергая давнишнее клише о безыскусности проповедей Цезария, Д. М. Омельченко проводит блестящий сравнительный анализ двух разных проповедей, прочитанных в одном случае для простых слушателей и во втором для более взыскательных, на предмет применения им адекватных коммуникативных стратегий в зависимости от интеллектуального уровня аудитории, где уверенно доказывает, что епископ Арля полностью отдавал себе отчёт о том, перед кем он выступал, о том, кому и как нужно преподносить информацию (с. 315–323).

Отдельно Д. М. Омельченко останавливается на тематическом анализе проповедей Цезария, начиная разбор такими, казалось бы, типичными темами как, богатство и бедность, любовь к Богу и страх перед ним и заканчивая женской темой в проповедях. Здесь важны как личная позиция епископа, так и понимание того, что он ожидал от своей общины. Во взглядах Цезария на различные аспекты христианской жизни Д. М. Омельченко прослеживает глубокий отпечаток монашеской интеллектуальной культуры. Например, «схема, в рамках которой проповедник обсуждал эсхатологическую тематику, определялась монашеским богословием, а именно, — пишет исследовательница, — представлением о человеческом действии, которому содействует благодать» (с. 346). Цезарию были чужды банальные запугивания: «Страх перед вечным наказанием как обратная сторона любви к Богу и веры в обещанную награду — это типичное монашеское понимание связи страха и любви. Оно требует от аудитории гораздо больше нравственных усилий, чем призыв к праведной жизни через художественную конкретизацию райских наслаждений и адских наказаний», — продолжает Д. М. Омельченко (с. 346).

То же самое можно утверждать о борьбе Цезария с языческими суевериями. Цезария, считает Д. М. Омельченко, интересовала исключительно христианизация, а не депаганизация населения, то есть он не желал

идти на какой-либо компромисс с народными верованиями, предлагая им в проповедях аналоговые культы святых различных хозяйственных отраслей, как это, к примеру, делали другие проповедники того времени. Но не менее интересна и другая сторона этого вопроса.

Параллельно, сопоставляя агиографический текст с проповедями, Д. М. Омельченко приходит к любопытному выводу о несоответствии житийного Цезария с Цезарием из проповедей: «Образ народного проповедника, созданный в “Житии”, явно не соответствовал намерениям самого Цезария, чьё понимание христианства сформировалось на основе монашеской практики и чтения Отцов Церкви» (с. 386). Цезарий аккуратно, местами даже деликатно, доносил информацию до самых разных прослоек своей паствы. В некоторых вопросах он и вовсе не был категоричен. Богатство у него не есть зло, зло же — это его неправильное использование. Однако в таких вопросах как приверженность христианскому учению он был жёстко последовательным. Как мы видим, Цезарий пытался включить не только духовенство, но и мирян в христианское сообщество, сконструированное им на основании его аскетических воззрений.

В «Заключении» Д. М. Омельченко подводит итоги своему исследованию и рассуждает о движущих мотивах главного героя, об успехах и неудачах его предприятий на различных фронтах епископского поприща. Внутрицерковная борьба, соперничество диоцезов, несовпадение мировоззренческих установок христианских лидеров вкупе с постепенной интеграцией Арля в набирающее силу Франкское королевство не оставляли шансов Цезарию на преобразования в рамках всей Галлии. Значительный успех был только локальным и ограничивался домашним диоцезом. Впрочем, значимы не только те деяния, что выражены в материальных оболочках. Идеи Цезария пережили его век, и свидетелями тому стали его проповеди и «Правило для дев», пользовавшиеся несомненной популярностью в Средние века.

Хотелось бы сказать, что «большая часть недостатков, на которые было указано, носит частный характер и в целом незначительно портит научно-методологические основания монографии» (или ссылку, или снять кавычки). Отчасти это, конечно, так, но в этих частностях прослеживается определённая системность. Пытаясь уйти от крайности утилитарного отношения к Цезарию как к информатору эпохи, автор впала в крайность другого характера. Строгое заострение внимания на личности Цезария и его произведениях в определённой степени затмило в исследовательском фокусе окружение Цезария, голос

его социума. За исключением папы Симмаха, Цезарии Младшей, женской монашеской общины и отчасти паствы (безмолвствующее большинство), окружение Цезария не привлекало к себе серьёзного внимания. Оно будто выполняло роль бессловесной и статичной декорации, дабы на её фоне личность Цезария казалась более живой и динамичной. Отсюда же такие факторы, как местами чрезмерно выборочное и вольное обращение с источниками, не имеющими прямого отношения к Цезарию, а также поверхностное раскрытие иных исторических личностей (духовенство), игнорирование более современной историографии по сторонним аспектам, терминологический беспорядок и др. Таким образом, возникает вопрос: соотносится ли такой подход с духом манифестируемой в начале книги «новой биографической истории» (познание социума через личность и личность — через социум)? Ведь кажется, что Цезарий интересовал автора многим больше, нежели всё остальное (эпоха). И самое главное: не порождает ли подобный дисбаланс дополнительной субъективности в исследовательских оценках относительно главного героя повествования?

Несмотря на это, с Цезарием всё же дела обстоят значительно лучше. Его феномен — это тот случай, когда мы должны говорить, что масштаб личности определяется масштабом поставленных ею целей, ибо широта взглядов и дерзновений Цезария не могли удерживаться в очерченных социокультурными нормами пределах. Они могли их только сломать, но сломать лишь частично. Но как раз в этой частичности и кроется трагедия и неоднозначность личности Цезария. И данный труд, прежде всего, может показать нам именно это. Таким образом, Д. М. Омельченко, не становясь очередным агиографом, в своей книге, не ставшей новым житием, первая по-настоящему открыла для русскоязычного читателя Цезария Арелатского.

Эдуард Мгерович Манукян

Источники

Leo Magnus. Dilectis fratribus per Gallias et Viennensem provinciam episcopis constitutis // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae: in 8 t. T. 3/1: Epistolae Merovingici et Carolini aevi. Berolini: Apud Weidmannos, 1892. P. 90–91.

Литература

- Биркин М. Ю. Епископ в вестготской Испании. СПб.: Наука, 2020.
- Биск И. Я. Размышления о преподавании истории. Тамбов: Центр-пресс, 1999.
- Бондач А. Г. Диоцез // ПЭ. 2007. Т. 15. С. 379–380.
- Грацианский М. В. Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // Вестник ПСТГУ. Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. Вып. 2 (52). С. 9–29.
- Дубровский И. В. Церковная десятина в проповеди Цезария Арльского: язык эксплуатации деревни // Одиссей. Человек в истории. 1997. М.: Наука, 1998. С. 31–46.
- Малицкий Н. В. Борьба галльской церкви против пап за независимость: Опыт церковно-исторического исследования из эпохи IV–VI вв. М.: Печатня А. И. Снигеревой, 1903.
- Манукян Э. М. «Идеальные» епископы поздней Античности: визуализация образа // Vox medii aevi. 2017. Vol. 1 (1). С. 50–70.
- Манукян Э. М. Размышления о возможных подходах к изучению статуса епископа в Поздней Античности (В связи с выходом книги М. Ю. Биркина о епископе в Вестготской Испании) // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2021. № 12. С. 144–159.
- Манукян Э. М. Рецензия на: Мирошниченко Е. И. Синесий Киренский: личность и этикет в позднеантичной эпистолографии. СПб.: Нестор-История, 2021. 312 С. // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2022. № 13. С. 142–163.
- Манукян Э. М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV–V вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45 (3). С. 415–426.
- Норкин К. В. Становление церковного первенства Арля в Галлии и римские папы (398–432 гг.) // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 53–70.
- Омельченко Д. М. Пастырская деятельность Цезария Арелатского в политике Церкви и повседневной жизни Прованса (первая треть VI в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Ставрополь, 2011.
- Мамина О. Н. Понятия «negotium» и «otium» в сочинениях Сидония Аполлинария // Античная и средневековая идеология: античная древность и средние века. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 66–79.
- Патцольд Ш. Епископы, социальное происхождение и организация местной власти около 500 года // Vox medii aevi. 2017. Vol. 1 (1). С. 18–49.
- Старостин Д. Н. Идея истории у Сульпиция Севера // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2013. Т. 13. С. 408–411.
- Тираспольский Г. И. Беседы с палачом: Казни, пытки и суровые наказания в древнем Риме. М.: Интрада, 2003.
- Тюленев В. М. Эннодий и Померий: к истории одного письма // Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3 (6). С. 69–76.
- Филиппов И. С. Библиейские цитаты и аллюзии в проповедях Цезария Арелатского // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 141–156.

- Филиппов И. С.* Паства и общество: кому проповедовал Цезарий Арелатский // *Universitas historiae*: сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 185–194.
- Цыпин В., прот.* Архиерей // ПЭ. 2001. Т. 3. С. 530–531.
- Arnold C. F.* *Caesarius von Arelate und die gallische Kirche seiner Zeit.* Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1894.
- Babut E.-Ch.* *Le Concile de Turin: Essai sur l'histoire des Églises provençales au Ve siècle et sur les origines de la monarchie ecclésiastique romaine (417–450).* Paris: Alphonse Picard et Fils, 1904.
- Coates S.* *Venantius Fortunatus and the Image of Episcopal Authority in Late Antique and Early Merovingian Gaul* // *The English Historical Review.* 2000. Vol. 115 (464). P. 1117–1118.
- Delage M.-J.* *Introduction* // *Césaire d'Arles. Sermons au peuple: en 3 t. / introd., trad. et notes par M.-J. Delage.* T. 1. Paris: Éditions du Cerf, 1971. (SC; vol. 175). P. 13–208.
- Delage M.-J.* *Introduction* // *Vie de Césaire d'Arles / texte crit. de Dom G. Morin; introd., rév. du texte crit., trad., notes et index par M.-J. Delage avec la collab. de M. Heijmans.* Paris: Éditions du Cerf, 2010. (SC; vol. 536). P. 27–101.
- Ferreiro A.* *Petrine Primacy and Episcopal Authority in Caesarius of Arles* // *Studia Patristica.* 2006. Vol. 43. P. 367–372.
- Filippov I.* *Legal Frameworks in the Sermons of Caesarius of Arles* // *Medieval Sermon Studies.* 2014. Vol. 58. P. 65–83.
- Hefele K.-J., von.* *Histoire des conciles d'après les documents originaux: en 12 t. T. 1.* Paris: Librairie Letouzey et Ané, 1869.
- Jourjon M.* *À propos du conflit entre le Pape Léon et Hilaire, évêque d'Arles* // *La Patrie gauloise d'Agrippa au VIème siècle: Actes du Colloque (Lyon 1981).* Lyon: L'Hermès, 1983. P. 267–271.
- Klingshirn W. E.* *Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late antique Gaul.* Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Marin R. V.* *La primacía de Arlés en las iglesias galas durante el episcopado de Patroclo (411/413–426)* // *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle chiese «principali» alle chiese patriarcali: XLIII Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015).* Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, 2017. (*Studia Ephemeridis Augustinianum*; vol. 149). P. 307–318.
- Mathisen R. W.* *The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Antique Gaul* // *Polis: revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica.* 1994. Vol. 6. P. 203–220.
- Lizzi R.* *The Late Antique Bishop: Image and Reality* // *A Companion to Late Antiquity / ed. by P. Rousseau with the assist. of J. Raithel.* Malden (Mass.); Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 525–539.
- Rapp C.* *Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition.* Berkeley (Calif.): University of California Press, 2005. P. 183–194.
- Sotinel C.* *Le recrutement des évêques en Italie aux IVe et Ve siècles: Essai d'enquête prosopographique* // *Vescovi e pastori in epoca teodosiana: in occasione del XVI centenario della consecrazione episcopale di S. Agostino, 396-1996; XXV Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana, Roma, 8–11 maggio 1996: in 2 vols. Vol. 1: Parte generale.*

Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, 1997. (Studia Ephemeridis Augustinianum; vol. 58). P. 193–204.

Suelzer M.-J. Introduction // *Julianus Pomerius. The Contemplative Life* / transl. and annot. by M. J. Suelzer. Westminster (Md.); The Newman Bookshop, 1947. P. 3–12.

Timmermann J. Sharers in the Contemplative Virtue: Julianus Pomerius's Carolingian Audience // *A Journal of Medieval and Renaissance Studies*. 2014. Vol. 45. P. 1–44.

Van Dam R. Saint and their Miracles in Late Antique Gaul. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1993.

Vogüé A. de. Introduction // *Césaire d'Arles. Œuvres monastiques: en 2 t.* / introd., texte crit., trad., notes et index par J. Courreau et A. de Vogüé. T. 2: Œuvres pour les moines. Paris: Éditions du Cerf, 1994. (SC; vol. 398). P. 17–202.

Wes M. A. Crisis and Conversion in Fifth-century Gaul: Aristocrats and Ascetics between «Horizontalité» and «Verticalité» // *Fifth-century Gaul: A Crisis of Identity?* / ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 252–263.